

СЕРГЕЙ ВОРОНИН

ТРУСИШКА

Издательство „Детская литература“

СЕРГЕЙ ВОРОНИН

ТРУСИШКА

РАССКАЗЫ

РИСУНКИ Т. КАПУСТИНОЙ

Ленинград „Детская литература“ 1975

ТРУСИШКА

Погода была самая плохая, какая бывает только в конце октября, — шёл проливной дождь, и это в то время, когда шкурка у зайца стала совсем белая. А ещё вчера была зима — всюду лежал снег. И вот всё растаяло, земля стала опять чёрной, и как ни прячься, отовсюду видно белую как снег шкурку.

Беляк поёжился и ещё плотнее припал мордочкой к передним лапам. Он лежал на бугре, под маленькой ёлкой и время от времени наострял уши, слыша то шорох ветра в кустах и принимая его за чьи-то шаги, то стук упавшего сучка. Но проходила минута, всё успокаивалось, успокаивался и заяц.

Прошлую ночь он провёл на заснеженной лесной поляне. Светила луна, снег искрился зелёными и синими огоньками. Беляк разгребал снежок, искал под ним траву. И вдруг рядом увидел молоденького Русака. Русак поглядел на него и подпрыгнул. И Беляк подпрыгнул. Русак отскочил в сторону. И Беляк отскочил. И тут они начали носиться друг за другом, оставляя на снегу такие петли, что и сами бы их не распутали.

Набегавшись вдоволь, они принялись щипать траву. А потом опять играть. И только когда стало светать, разбежались — Русак в поле, а Беляк в перелесок. И только улеглись, как пошёл дождь. Он лил, лил, согнал весь снег, и вот опять показалась чёрная земля...

Беляк пошевелился, плотнее припал к кучке опавших листьев. С ёлки падали капли, и возле камня уже появилась лужица.

Неожиданно над головой кто-то громко застучал. Заяц вздрогнул, но тут же понял: это стучит своим крупным клювом дятел — безобидная птица, не то что коршун или ястреб. И Беляк успокоился.

Подул ветерок. Ёлка качнулась — и всё вокруг наполнилось шорохом и шелестом. Тут надо держать ушки на макушке, а то и не заметишь, как кто-нибудь подкрадётся. И только Беляк приподнялся, как услышал неподалёку треск и увидел своего вчерашнего друга Русака. Он нёсся куда-то, прижав к спине уши. И тут же Беляк увидел лису. Она гналась за Русаком. И уже догоняла его.

Тут бы надо Беляку выскочить, отвлечь её на себя. Тогда лиса погналась бы за ними обоими и, наверно, ни одного не поймала. Но Беляк не побежал. Он только плотнее прижал уши и готов был влезть в землю, лишь бы лиса его не заметила.

Прошло немало времени, пока Беляк осмелился опять приподняться.

Было тихо. Дождь перестал. Успокоился и ветер. На солнце наши тучи, и с неба упала снежинка. За ней другая. Ещё, ещё... Снег стал падать всё гуще, гуще. А к ночи земля побелела.

Беляк выскочил из-под ёлки и побежал к лесной поляне, где вчера так весело играл с Русаком. На заснеженной поляне не было ещё ни одного следа, и Беляк стал прыгать, бегать, разгребать снежок и есть траву. Не покажется ли где друг? Но Русака не было видно. До самого рассвета ждал его Беляк, но так и не дождался.

Не пришёл Русак на полянку и на другую ночь. Не было его и на третью.

Больше никогда не видел Беляк Русака.

БАРАШЕК

Наступила весна. Солнце растопило снег. По земле побежали весёлые ручьи. На лесном озере появились промоины, лёд стал рыхлым, ненадёжным.

Однажды ранним утром, когда люди ещё спали, к берегу вышел волк. На боках у него грязными комьями свисала шерсть. Зиму он еле пережил: в него стреляли охотники, чуть не убили, и он долго болел, отлёживаясь в глухом овраге, и поэтому очень отошал, ослаб и, что особенно плохо, стал худо слышать. И с каждым днём всё больше голодал и слабел. Был бы сильным — поймал зайца и съел, но заяц легко убегал от него. Мог бы забраться в колхозную овчарню, раньше забирался даже днём и уносил барана или овцу, теперь же решиться не мог. Боялся собак. Боялся людей с ружьями. Плохи, плохи были у него дела, еле таскал ноги.

Он стоял на берегу озера и смотрел на другой берег, где была овчарня. Оттуда тянул слабый ветер, он доносил запах овец. И волк нервно переступал с лапы на лапу.

Неожиданно до его слуха донеслось с острова слабое блеяние барашка. Волк насторожил уши. Да, на острове был барашек! Волк шагнул на лёд, и тут же его лапа провалилась в воду. Волк отпрянул и щёлкнул от злости зубами. Но ветер снова донёс жалобный крик барашка. Наверно, барашек ещё зимой пришёл на остров и теперь ему никак не выбраться на берег, вот он и кричит, зовёт на помощь.

Волк опять шагнул на лёд, но уже в другом месте. Лёд выдержал. Тогда волк переступил дальше. Провалился. Но тут же вскочил и, уже не оглядываясь, стал пробираться к острову.

На середине озера было столько воды, что её уже морщил ветер и маленькие волны набегали на лёд. Волк

ПОЛОСАТАЯ СПИНКА

остановился в нерешительности. Но снова закричал барашек — и волк кинулся в воду. Волной ударило ему в оскаленную морду, больную спину свело от холода, но он не повернул обратно. Плыл. Плыл долго, потом опять пробирался по льду, проваливался, и когда наконец вылез на каменистый остров, ноги у него тряслись и всего колотила дрожь. Но теперь уже совсем недалеко до барашка. Вот он снова закричал откуда-то сверху.

Волк насторожился, стал высматривать. Барашка не было видно. Волк раздул ноздри, чтобы лучше его учуять, но почему-то не уловил вкусного овечьего запаха. Где же он?

Прошло несколько минут — и снова раздалось бляение. Над самой головой. Это было настолько неожиданно, что волк даже съёжился. С трудом изогнув шею, он посмотрел в небо и увидел над собой маленькую птичку. Эта птичка опускалась к земле и издавала крыльями звук, очень похожий на голос, каким кричит барашек. И звали эту птичку — бекас-барашек.

Волк оскалил зубы, и хотя было утро, а не ночь, и весна, а не выюжная лютая зима, вскинул морду и тягуче завыл.

А над ним, совсем его не боясь, летала маленькая птичка, трепыхала крылышками и радовалась весне.

Наконец-то кончились дожди и установилась сухая ясная погода. Это было кстати, и Полосатая Спинка — так её звали потому, что вдоль спины лежали пять тёмных полосок — скорее-скорей из норы к поваленному бурей дереву и стала раскладывать на нём свои запасы, чтобы прообсушились на солнышке, прообветрились, чтобы не заплесневели, не испортились за долгую зиму. И не только орешки надо просушить, есть ещё в кладовой и грибы, и ягоды, и разные зёрна. Много, много уже запасено. И теперь Полосатой Спинке зима с её морозами и метелями не страшна. Спи себе, а проснёшься — поешь, чего захочешь, и снова спи. До самой весны хватит. Недаром Полосатую Спинку все бурундуки считают самой старательной и запасливой.

В тайге было светло и тихо. Неслышно осыпалась последняя листва с берёз и осин. Лиственницы уже давно оголились, и лес от этого казался ещё светлее и прозрачнее. По высокому холодному небу улетали в тёплые края гуси, утки, журавли. Летели стаями, клиньями, косяками, протяжно крича.

Приближалась зима. По утрам на вершинах сопок выпадал снег. Правда, он к полудню таял, но всё равно в горах уже была зима и вот-вот должна была спуститься в долины. Поэтому все спешили запастись кормом, чтобы не голодать в длинные зимние месяцы. А тот, кто корм не запасал впрок, спешил побольше съесть, чтобы накопить в своём теле жир, чтобы спать и о еде не думать.

Так делал медведь по прозвищу Толстая Лапа. Он целыми днями с утра и дотемна шастал по тайге, вырывал из земли съедобные корни, слизывал с кустов бруснику, а если попадались мышинные норы с запасами пищи, то съедал запасы, а порой и хозяев. Ни с кем не церемонился. Случалось, что набредал и на бурундучьи норы. Но Полосатой Спинке он не мог угрожать. Её нора была вырыта меж двух могучих корней старого кедра. Так что, прежде чем добраться до кладовой, медведю надо выломать эти толстенные корни. Другое дело — нора её беспечного соседа Желтолоба. Вся на виду. Хоть бы ветками прикрыл. Что за легкомыслие? Но работать, работать!

Полосатая Спинка то и дело мелькала от норы к дереву и от дерева к норе, чтобы не упустить ни одной минуты солнечного дня. Грибы она уже высушила и теперь носила зёрна. И с ними дело подходило к концу, когда она услышала тревожный писк Желтолоба. Опасность!

Полосатая Спинка тут же юркнула в нору, выставив из неё только кончик носа. В чём дело? Появилась разнопёрая Кукша. Мерзкая птица! Самая вредная: только и глядит, кого бы ограбить или растерзать. Не щадит ни яиц, ни птенцов, ни мелких зверей.

Кукша пролетела, и Полосатая Спинка снова принялась за работу. В хлопотах и делах незаметно прошёл день. Ночью был крепкий заморозок, но Полосатая Спинка его даже не почувствовала, так было тепло в норе, так было мягко спать на постели из пушистого мха.

Проснувшись она под утро от какого-то необычного шума. Что такое? Кто-то тяжёлый топтался у её норы,

разрывал землю как раз там, где кладовая. Было слышно, как трещал старый могучий корень.

Да ведь это же Толстая Лапа грабит её дом! Что же делать? И не убежать. Поймает и съест!

Бедная Полосатая Спинка от страха забилась в самый угол норы, но и туда доносилось медвежье побряхтывание. Иногда даже слышалось глухое рычание, — видно, медведь злился, что ему никак не осилить корни.

медведь злился, что ему никак не осилить корни. Повозившись изрядно, он перестал рыть, потоптался и отошёл.

Полосатая Спинка выждала время и осторожно выглянула. Она даже удивилась, как мало медведь разрушил, только вырыл землю у входа. Вот и отлично! Спасибо тебе, Старый Кедр, спасибо твоим могучим корням!

Полосатая Спинка выбежала на волю и тут увидела Желтолоба. Он сидел понурый, совершенно несчастный.

Ай-яй-яй! Оказывается, это его нору разрыл медведь. Ну конечно, она ведь была на открытом, таком доступном месте. Бедняга Желтолоб сразу лишился и дома и еды.

Желтолоб печально поглядел на Полосатую Спинку и слабо махнул хвостом. Да, весёлого мало, а всё потому, что был беспечным. «Ну чего ж теперь сидеть, надо дело делать. Вот рой себе нору рядом с моей, там место есть среди толстых корневищ Старого Кедра». Так примерно потолковала Полосатая Спинка с Желтолобом и поглядела на небо.

И, о радость, опять будет хороший денёк. Солнышко уже подымается из-за сопки. Значит, за работу! Скорей-скорей набить зёрнами защёчные мешки и сушить, сушить. Да и ещё надо подзапасти. Как-никак, а теперь Желтолоб будет соседом, и кто знает, может, придётся помочь ему. Да-да, всякое может быть...

И Полосатая Спинка принялась за работу.

15 коп.

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Воронин
Сергей Алексеевич

ТРУСИШКА

Переводчик

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Воронин Сергей Алексеевич
ТРУСИШКА

Ответственный редактор Д. Б. Колпакова.

Художественный редактор А. В. Карпов.

Технический редактор В. П. Кореньюк.

Корректоры К. Д. Немковская и В. Г. Шишкина.

Сдано в набор 27/IX 1974 г. Подписано к печати 22/I 1975 г. Формат 60×90^{1/8}.
Бумага офсетная № 1. Печ. л. 1,5. Усл. печ. л. 1,5. Уч.-изд. л. 1,37. Тираж 600 000 экз.
Заказ № 673. Цена 12 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного
Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 192187, наб. Кутузова, 6.
Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома Государственного комитета
Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7. Книга набрана на машине 2НФА.

В $\frac{70801 - 113}{М 101 (03) - 75}$ 30 — 75